

ИЗМЕНА

*Все не так,
как кажется*

Нина Феокистова

Измена. Все не так, как кажется.

«Автор»

2026

Феоктистова Н.

Измена. Все не так, как кажется. / Н. Феоктистова — «Автор», 2026

Казалось, у них есть всё: блестящая карьера, роскошная жизнь и взаимное уважение. Не хватало лишь одного — ребёнка, и эта тихая боль медленно разъедала брак Анны и Виктора изнутри. Когда в их идеальный мир врывается сводная сестра Анны, юная и прекрасная Катя, трещина становится пропастью. Ревность, подозрения и, наконец, шокирующая сцена, которую Анна застаёт в кабинете мужа, заставляют её бежать прочь, сломя голову, от лжи и предательства. Но судьба готовит неожиданный поворот. Вдали от всего, что ей было дорого, Анна узнаёт о беременности. А вскоре выясняется и страшная правда: измена была лишь тщательно разыгранным спектаклем. Сможет ли она простить того, кто стал жертвой чужого коварства? И успеет ли муж, отчаянно ищущий её, найти дорогу обратно к её сердцу и к их общему будущему?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Измена. Все не так, как кажется.

Глава

ГЛАВА 1.

Пять лет...Сегодня ровно пять лет, как я сказала ему «да» в этом самом ресторане. Я сижу за столом и тихо люблюсь своим мужем. После стольких лет жизни, понимаю как же сильно мне с ним повезло. Это мой самый родной человек, моя вторая половинка.

Виктор листает винную карту с той самой спокойной, деловой уверенностью, которая теперь стала его второй натурой. А я вспоминаю, как дрожали его руки, когда он открывал коробочку с кольцом. Помню, как сейчас, как он, смущаясь словно мальчишка, выдохнул: «Аня, я не могу без тебя. ты вся моя жизнь. Ты... ты выйдешь за меня?» И в его глазах тогда было столько любви, что я утонула в ней с головой.

«Милая, а ты чем задумалась?» — его голос выдернул меня из воспоминаний. Он налил шампанское и золотистые пузырьки весело заиграли в высоких бокалах. Сегодня наш праздник, маленький юбилей, но мне отчего-то совсем не радостно...

«Так, дорогая, с деревянной свадьбой нас. Я считаю, что пять лет брака нужно достойно отметить», — он поднимает бокал. Его взгляд на секунду задерживается на моем, и в глубине карих глаз я снова вижу те же чувства, что и много лет назад.

— За нас, любимая. Спасибо тебе за то, что сказала мне тогда «да» и сделала меня самым счастливым человеком на свете. За тебя! За нас!».

Я механически беру свой бокал и чокаюсь с ним. Звон стекла почему то звучит как-то жалобно.

«За нас», — шепчу я, но шампанское не пью. Просто отставляю фужер на край стола.

Я вижу, как изменилось его выражение лица. Мгновенная вспышка надежды и попытка эту надежду скрыть.

«Почему ты не пьешь? Ты же любишь это вино. Или тебе нельзя?» — его голос становится на тон ниже. Он будто боится задавать этот вопрос и еще больше услышать на него ответ.

«Нет, почему же, мне можно, просто я не хочу. Мне врач рекомендовала пока воздержаться от алкоголя, для того, чтобы...» — я не могу договорить. Мы оба знаем, о каких рекомендациях идет речь. Я молча отвожу взгляд к безупречной скатерти. — Знаешь, сегодня, пока ждала свою очередь к врачу, я гуляла в том парке у поликлиники. Ну ты помнишь, там вишневый сад, все цветет, так красиво... И мамочки гуляют с колясками... Я так долго любовалась на них».

Я поднимаю на него глаза, пытаюсь донести до него свою мысль. Я сейчас не про парк и цветущий сад. А про свою боль, когда вижу маленьких детей.

Но он уже привычно хмурит свой лоб.

«Аня, я же просил... Почему ты мне не сказала, что записана на прием? Я бы освободил время и мы бы поехали вместе.

И эти вечные очереди к врачам... Может, ты уже перестанешь ходить в эту поликлинику? Давай подберем хорошую частную клинику. Почему ты меня не слушаешь никогда? ».

Он говорит это с заботой. Он меня всегда оберегает от всего, а мне хочется кричать от этой заботы.

«Да какая разница! Там прекрасные врачи! — мой голос звучит громче, чем нужно. Я закусываю губу, снова опускаю глаза. — Ты же знаешь, о чем я хотела сказать».

Он вздыхает, тянется через стол и накрывает мою руку своей ладонью. Она у него такая теплая и большая. У меня от его прикосновений по коже мурашки по всему телу. Так люблю когда он меня касается...

«Солнышко, ну не накручивай ты себя так, — говорит он тихо, устало. — У нас обязательно будет ребенок, и не один, а сколько, сколько мы захотим. Мы обязательно со всем справимся. Надо просто отпустить ситуацию и расслабиться. Перестать об этом думать каждую секунду и все у нас получится, вот увидишь. Помни, я тебя очень люблю и всегда буду рядом.»

Его слова сыпят соль на рану. «Расслабиться». Как будто это я одна думаю об этом каждую минуту. Как будто это не он месяц назад, увидев мою расстроенную улыбку, швырнул папку с документами на стол и в сердцах прошептал: «Да когда уже наступит конец этому аду?»

«Я стараюсь не заикливаться на этом, правда, — говорю я, вынимая руку под предлогом, что поправляю салфетку. — Кстати, ты так и не рассказал, как там с тем контрактом?»

Он с видимым облегчением меняет тему разговора. Говорит о делах, о новой сотруднице, Марии, которую взял на работу. Голос снова становится уверенным, деловым.

«Я просто хотел тебя порадовать, освободить от дел, — оправдывается он, видя, как я недовольно хмурюсь. — Ты и так в последнее время сама не своя. Тебе нужно больше отдыхать. Не беспокойся — она очень хороший специалист».

«Понятно, — говорю я, и мой голос дрожит от обиды. — То есть теперь можно и не спрашивать моего мнения? Хорошо».

Наступает тяжелое молчание. Официант приносит десерт — маленькие вкусные эклеры. Виктор смотрит на лакомство, потом на меня.

«Аня, ты же вряд ли это будешь? Даже врачи рекомендуют воздержаться от сладкого на ночь.»

И вот тогда внутри меня что-то обрывается. От этих рекомендаций меня уже тошнит. Мне хочется взять этот эклер и размазать по этой идеальной скатерти. Захлестывает такая волна бессильной ярости и жалости к себе, что перехватывает дыхание.

«Извини, мне надо... отлучиться на минутку, — выдавливаю я и, не глядя на него, почти бегу между столиков. В туалете, заперев дверь, я плачу, закрыв рот рукой.

Пять лет. Пять лет я чувствую себя бракованной, неполноценной. И самым страшным мне кажется то, что он, мой любимый Виктор, смотрит на меня и тоже видит во мне не свою любимую женщину, а какую-то истеричку, которая даже забеременеть не может.

Ночью я лежала и слушала его спокойное и ровное дыхание. Сегодня, в день нашей годовщины, я снова сделала тест. Новые препараты, новая методика лечения, новые надежды врачей на благоприятный исход... И я в очередной раз верю в то, что в этот раз точно должно получиться.

Очень тихо и почти бесшумно крадусь в ванную. Руки трясутся. Я делаю всё по инструкции, написанной на коробочке, сажусь на холодный край ванны и долго смотрю, как по тесту медленно, неумолимо, проступает одна-единственная полоска. Опять одна, впрочем как всегда.

Сначала я просто тупо смотрю на белую бумажку. В голове абсолютная пустота, там нет никаких мыслей. А потом из груди вырывается тихий, сдавленный стон, который идет из самого сердца. Я медленно подхожу к зеркалу. Передо мной — успешная молодая красивая женщина в дорогом шелковом халате. И у этой женщины — глаза полные такого лютого отчаяния, что становится страшно смотреть.

Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы не разрыдаться на весь дом, но слезы текут сами: горячие, оставляя мокрые дорожки на щеках. Я плачу о том малыше, чей смех никогда не прозвучит в этих стенах. Плачу о руках мужа, которая все чаще обнимает меня для того, чтобы утешить и успокоить, а не для того чтобы как раньше унести в спальню и заняться со мной

любовью. Плачу о нас — о наших мечтах иметь большую семью, где как минимум должны быть двое детей.

Глава 2.

Он лежал на полке, этот тест. Холодный, равнодушный. Мой личный приговор. Я подняла глаза и увидела в зеркале себя — заплаканную, с размазанной тушью, жалкую. Такая обида на весь мир грызла изнутри, что хоть кричи. Чтобы не сойти с ума, память, как спасательный круг, подкинула другую картинку. Себя, но семь лет назад. Не эту измученную ежемесячными «получится — не получится», а ту — молодую, красивую девушку с горящими глазами, которая верила, что может свернуть горы.

Шесть лет назад. Арбитражный суд.

В зале яблоку негде было упасть. Гул голосов, стук каблуков. Мне всего двадцать три, а я уже вела громкое дело о невыплате по контракту за несвоевременную поставку оборудования. Я представляла интересы владельца сети магазинов, который требовал огромные неустойки за несвоевременное поставку оборудования с компании поставщика. Их интересы представлял сам Виктор Соколов, из крупнейшей юридической компании «Вектор». О нем ходили легенды: молодой, гениальный, не проиграл ни одного дела. Я лихорадочно перебирала бумаги, когда дверь открылась.

Я подняла голову.

И мы на миг встретились глазами.

Высокий, в безупречном темно-синем костюме, подчеркивавшем спортивную фигуру. Взгляд — цепкий, оценивающий. Не пренебрежительный, а холодно-деловой. Но в тот миг меня будто током ударило. Тревога. И это дурацкое, щемящее душу волнение.

«Суд идет!»

Начался процесс. Как адвокат он был на высоте. Его аргументы поражали. Виктор бравировал своим опытом, безупречным знанием законов. Но я, тоже адвокат, хоть и начинающий, и не отступала. Я ведь ночи не спала, готовясь, выучила каждый пункт договора поставки. И когда он с этой надменной полуулыбкой заявил, что наш клиент пропустил срок исковой давности, я нашла, что ответить.

Голос мой окреп и зазвенел в тишине зала:

— Уважаемый суд, ответчик неверно толкует пункт 4.7. Существует дополнительное соглашение о порядке приемки оборудования, которое полностью меняет ситуацию. Вот оно.

Я протянула документ. Рука не дрогнула. Виктор нахмурился. Его взгляд изменился — в нем вспыхнул неподдельный интерес. Он впервые посмотрел на меня не как на соперницу, а увидел женщину. И адвоката, с которым стоит считаться.

Дальше была настоящая словесная дуэль. После заседания я выскочила в коридор — отдышаться. Сердце колотилось как бешеное, лицо горело.

— Поздравляю, — прозвучал за спиной низкий, спокойный голос. — Выступили блестяще.

Обернулась. Он стоял с двумя стаканчиками крепкого кофе.

— Не знаю, как вы пьете, но после такого накала кофеин необходим. Без сахара — так вкуснее, рекомендую, — протянул один мне.

Я смирла его взглядом.

— Это что, новая тактика? Задобрить противника до вердикта?

Он улыбнулся, и лицо его сразу стало моложе и мягче.

— Это тактика выживания. Если вы и дальше так будете, мне конец. Виктор Соколов.

— Анна Захарова, — я всё же взяла кофе. — И не надейтесь, что я сдам позиции из-за кофе.

— О, я и не надеюсь, — он отпил, не отводя глаз. — Просто констатирую. Вы — первый адвокат за два года, кто заставил меня почувствовать азарт в суде.

Наше дело мы в тот день все-таки проиграли. Но, выходя из зала, Виктор сиял не триумфом. Он поймал меня у лифта.

— Захарова, это не конец нашего знакомства. Это только начало. Я хочу пригласить вас на свидание.

Я покачала головой, пряча улыбку:

— Самоуверенно, Соколов. Но, к сожалению, я вынуждена отказаться. Я не хожу на свидания с адвокатами.

— Я думаю, вы скоро измените решение, — парировал он, и в его глазах мелькнула уверенность.

На следующий день в офис принесли огромную корзину белых орхидей. Без записки. Но я знала, от кого. Началась его «осада».

Он не звонил с обычными приглашениями. Он врвался в жизнь как ураган. То «случайно» оказывался за соседним столиком в ресторане. То появлялся на моей конференции.

— Вы меня преследуете, Соколов? — как-то спросила я, уже теряя терпение.

— Изучаю сильнейшего соперника, Захарова, — невозмутимо отвечал он. — И, как выясняется, самую красивую женщину в многомиллионной Москве.

Его ухаживания были продуманы досконально, как юридическая стратегия. Цветы сменялись редкими книгами по праву, «случайные» деловые пересечения казались слишком частыми. И очень скоро я с ужасом поняла, что уже ищу его глазами в толпе и скучаю по нашим словесным перепалкам.

А потом, после одной из таких «случайных» встреч в ресторане, он подошел и сказал тихо, без привычной уверенности:

— Всё. Игра окончена. А теперь просто отведи меня в свое самое любимое место здесь. Не пафосное. Туда, где тебе по-настоящему хорошо.

И я, сама себе удивляясь, согласилась. Отвела на крышу старого дома на Патриарших. Мы просидели там до утра, говоря обо всем — о праве, о книгах, о детстве, о страхах.

Наш роман был таким же — ярким, стремительным. Мы были двумя половинками одного целого. Он — грандиозный стратег. Я — блестящий тактик. Мы казались непобедимыми.

Как-то утром, в его постели, я спросила:

— Помнишь, ты сказал тогда в суде: «Я вас нашел»? Что ты в итоге имел в виду?

Он повернулся ко мне, лицо стало серьезным и каким-то беззащитным.

— Имел в виду, что нашел не просто женщину. Я нашел свое отражение. Свое дополнение. Свою половинку души. Ту, с кем мы сможем всё. Построить собственную компанию. Изменить правила игры. И... — он коснулся моей щеки. — Создать семью. Самую крепкую на свете.

Я поверила ему. Тогда, семь лет назад, глядя в его глаза, полные решимости и нежности, я верила безоговорочно. Мы сможем всё. Обязательно.

Воспоминания отступили так же внезапно, как и нахлынули. Я снова была в тихой, холодной ванной. Слезы высохли. Где же та девушка? Где та уверенность в любви? Та вера в то, что вместе мы все сможем?

Я осторожно, как хрупкую улику, подняла тест с одной-единственной полоской и выбросила его. Умылась ледяной водой, смывая следы прошлой ночи надежд, глубоко вздохнула и посмотрела на свое отражение.

«Мы смогли всё, — прошептала я тишине. — Но одного «всего» нам и не хватило».

Я выключила свет и вернулась в спальню. К мужу, который когда-то клялся в вечной любви на крыше под закат. К мужу, с которым нас теперь связывала не только любовь, но и общая, тихая, непроходящая боль.

Глава 3.

Мой телефон завибрировал на поверхности кухонного стола, разрывая тишину субботнего утра. На экране высветился контакт «Мама». Я вздохнула, вытирая руки о полотенце. Мы созванивались крайне редко, и этот звонок немного меня взволновал. Интересно, что ей от меня надо? Просто она никогда не звонила просто так, значит ей что-то понадобилось от меня. Интересно, что?

«Мама, здравствуй!» — я прижала трубку к уху, глядя на залитый солнцем московский пейзаж за окном.

«Анна, дорогая! Как ты? Как Виктор?» — голос матери звучал как всегда, немного визгливо и торопливо.

«Всё хорошо, мам. Работаем. А ты как? Как отец?»

«Да я-то ничего, все хорошо. Спасибо за прошлый перевод денег, мы с отцом хорошо отдохнули на море.

Слушай, у меня к тебе огромная просьба». В ее голосе появились знакомые нотки — просящие. Я инстинктивно насторожилась. «Катенька-то институт заканчивает, диплом защитила, молодец! И вот думает... в Москву податься. Перспективы там, карьера. Да и замуж там можно хорошо выйти, а уж с ее то данными...

А где же ей остановиться? Чужая съемная квартира — такие деньги! Ты же не оставишь сестру в трудную минуту?»

Воздух вокруг меня словно сгустился. В горле застрял комок. Катя. Моя сводная сестра. Младшая, любимица родителей.

«Конечно... не оставлю, — выдавила я, заставляя свой голос звучать более-менее радостно. — Когда?»

«Да вот, через неделю! Билеты уже купила. Я так рада, что вы будете рядом! Ты у меня такая самостоятельная, успешная, поможешь ей, в люди выведешь. Она же девочка нежная, неприспособленная».

Неприспособленная, — мысленно повторила я. Воспоминания накатили горькой соленой волной. Я как будто-то снова увидела наш родительский дом. Свою комнату, где всё было строго и функционально: кровать, письменный стол для уроков, полка с книгами. И комнату Кати — розовое царство, заваленное плюшевыми мишками, куклами в шикарных платьях, духами и блестками. Помню, как на мое четырнадцатилетие мама подарила мне набор гелевых ручек, а Кате, которой тогда было шесть, — огромного пони на колесиках. Я пыталась объяснить, что тоже хочу такую игрушку, хоть я и почти взрослая. Отчим тогда холодно посмотрел на меня и сказал: «Ты же умная девочка, Анна. Тебе надо учиться, а не в игрушки играть. Катюшка же еще маленькая».

Маленькая. Она всегда оставалась для него маленькой. Даже когда в пятнадцать лет она закатила истерику в магазине, потому что я, на свои скопленные с репетиторства деньги, купила себе красивое платье на выпускной в институте. Ей тоже захотелось новое, хотя у нее был целый шкаф. И папа (я всегда звала его папой, хоть он и не был мне родным) купил ей платье, которое стоило втрое дороже моего. Он обнял ее и сказал: «Для моей принцессы — только самое лучшее». А на меня просто посмотрел и кивнул: «Ты хорошо выглядишь».

Да, сестру всегда баловали и любили с детства и она этим всегда пользовалась. Поэтому мы никогда не были с ней близки.

Мне было больно и обидно, поэтому получив диплом об высшем образовании, сразу уехала из дома.

«Анна? Ты меня слышишь?» — голос матери вернул меня в реальность.

«Да, мам, слышу. Конечно, пусть приезжает. В гостевой комнате остановится. Встречу ее».

Мы поговорили еще несколько минут, но я уже почти не слышала слов. Во рту стоял привкус горечи.

Вечером я все рассказала Виктору.

«Знаешь, скоро к нам пожалует гостья. Моя сводная сестра, Катя.

Виктор отложил планшет с рабочими документами. «Сестра? Ты никогда не рассказывала о ней. Надолго?»

«Не знаю. Мама говорит, хочет карьеру в Москве построить». Я попыталась придать голосу легкость. «Присмотришь ей местечко в какой-нибудь фирме? Без опыта работы... ну, ты понял, ее никуда не возьмут.»

Он улыбнулся своей спокойной, уверенной улыбкой. «Раз это сестра моей жены, конечно, помогу, чем смогу. Пусть приезжает».

Я подошла к окну, глядя на огни города. «Она... у нас особенная. Все влюбляются в нее с первого взгляда».

«И я уверен, полюблю, — пошутил он, обнимая меня сзади. — Но только как сестру. Не волнуйся ты так и не ревнуй».

Я хотела объяснить. Хотела сказать, что дело не в ревности, а в каком-то дурном предчувствии. Но слова застряли где-то внутри горла. Я просто прижалась к нему, чувствуя, как тревога сжимает сердце в тиски.

На следующей неделе я, как сумасшедшая, носилась по квартире, готовя комнату для Кати. Купила новые подушки, самое дорогое постельное белье, поставила свежие цветы. Каждое мое действие было попыткой заглушить внутренний голос, который шептал: «Ты зря это делаешь. Она все равно будет недовольна».

Виктор, видя мои метания, только качал головой: «Анна, успокойся. Она же не королева какая-то, а твоя сестра. Всё будет хорошо».

«Ты ее не знаешь», — хотелось мне выкрикнуть. Но я молчала.

И вот настал день ее приезда. Я стояла на перроне Киевского вокзала, нервно теребя прядь волос. Когда из вагона вышла она, у меня на мгновение перехватило дыхание. Это была уже не та девочка-подросток, которую я помнила. Передо мной была молодая женщина с идеальной укладкой, в модном пальто, которое я видела в витрине бутика, но не решилась купить, думая что мне не подойдет такой стиль. Ее глаза, такие же, как у нашего отчима, серые и пронзительные, бегло окинули меня, а затем с любопытством уставились на шпили сталинских высоток.

«Аннушка!» — она бросилась ко мне с театральным возгласом, обняла, и я уловила запах ее духов — сладких, удушающих. — «Как здорово, что ты меня встретила! Москва-то какая огромная!»

«Добро пожаловать, — я похлопала ее по спине, чувствуя себя нелепо. — Как дорога?»

«Утомительно, — вздохнула она, делая грустные глазки. — Но ради такой встречи, можно и потерпеть».

По пути к машине она без остановки говорила. О своих подругах, о том, как жалеют что она уехала, о планах на будущее. Ее голос звенел, заполняя все пространство. Я молча вела машину, и с каждым ее словом моя тревога росла. Она была здесь, в моем городе, в моей машине, и скоро войдет в мой дом. И в мою жизнь.

Когда мы зашли в квартиру, она замерла на пороге, издав тихий, восхищенный звук.

«Ой! — ее глаза загорелись настоящим, неприкрытым восторгом.

— Анна, ты так живешь? Это же просто шикарно!»

Она прошлась по гостиной, проводя пальцем по поверхности консоли, рассматривая картины на стенах, мраморную столешницу на кухне.

«А это что за дверь?» — она указала на приоткрытую дверь в комнату.

«Это наша спальня», — сказала я, и в моем голосе прозвучала несвойственная мне резкость.

Катя повернулась ко мне, и на ее лице расцвела медовая, хитрая улыбка.

«Как я за тебя рада, сестренка. Правда. Ты всего добилась сама. А я... я только в начале пути». Она подошла ко мне и взяла меня за руку. Ее прикосновение было мягким, но в нем чувствовалась стальная хватка. «Надеюсь, ты сможешь мне устроиться здесь так же хорошо, как устроилась сама, на меньшее я просто не согласна.»

Я посмотрела в ее глаза — эти серые, такие знакомые и такие чужие глаза. И поняла, что меня напрягает ее присутствие. Она для меня совершенно чужой человек, впрочем как и я для нее. И что очень хочу чтобы она побыстрее съехала.

Но вслух я просто сказала: «Конечно, Катя. Чем смогу, тем и помогу. Чувствуй себя как дома».

Глава 4.

Катя сразу же прижилась в нашей квартире, будто всю жизнь тут жила. Первые несколько дней она вела себя как восторженный турист: на всё закатывала глаза и безостановочно сыпала комплиментами. Каждую вещь в квартире она находила "невероятной" или "потрясающей". Эти ее «ахи» и «вздохи» были такими приорно-фальшивыми, что от них скоро начало в прямом смысле тошнить, как от куска сладкого торта.

«Анна, у тебя даже ложки такие красивые! Настоящее серебро?» — она вертела в руках столовый прибор, а ее глаза смешно округлялись, словно она видела не ложку, а произведение искусства.

«Обычные ложки, Катя, — пыталась я быть сухой, но ее восторги были такими искренними, что против воли заставляли улыбаться.

«А это что за картина? Кажется, дорогая?» — она уже стояла перед небольшим этюдом, который мы с Виктором купили на вернисаже у начинающего, но талантливого художника.

«Мы ее потому и купили, что она нам понравилась, а не потому что дорогая», — прозвучал спокойный голос Виктора. Он вошел в гостиную, только что вернувшись с работы.

Катя вздрогнула и повернулась к нему. И я снова увидела это — ее лицо озарилось такой ослепительной улыбкой, будто в комнате включили прожектор.

«Виктор! Здравствуйте! Я как раз Анне говорю — какой у вас безупречный вкус! Просто дух захватывает!»

Виктор вежливо кивнул, снял пиджак и развязал галстук. Его движения были, как всегда, выверенными и немного усталыми.

«Спасибо, Катя. Как вам наш город? Успели в нем уже освоиться?»

«О, я еще только начинаю! — она подбежала к нему, словно щенок, и я невольно заметила, как он отступил на полшага назад. — Это же такой муравейник! Все бегут, все куда-то спешат! Мне нужен личный гид. Лучший гид». Она посмотрела на него снизу вверх, подчеркивая разницу в росте, и в ее взгляде было столько наивного обожания, что это должно было растрогать кого угодно.

Но Виктор лишь вежливо улыбнулся уголком рта. «Анна знает Москву лучше меня. Она вас везде сводит».

«Но вы же коренной москвич!» — не сдавалась Катя, и в ее голосе зазвенел легкий, кокетливый упрек. — «Анна тоже такая же приезжая, как и я».

«Я живу здесь с двадцати двух лет, — мягко поправила я, чувствуя, как внутри закипает легкое раздражение. — И уже успела стать своей».

Катя проигнорировала мое замечание, ее взгляд был прикован к моему мужу.

Вечером за ужином она устроила настоящее шоу. Рассказывала забавные истории из своей студенческой жизни, смеялась звонко и заразительно, и я видела, как моя обычно сдержанная мама, с которой мы связались по видео-связи, умиленно смотрела на младшую дочь.

«Анна, а ты помнишь, как Катюша в пять лет твой глобус разрисовала фломастерами?» — вспомнила мама.

«Помню, — кивнула я. — А ты тогда сказала, что это «творческий порыв», и ругать ее не стала».

В комнате на секунду повисла неловкая пауза. Катя тут же ее заполнила.

«Ой, мам, не напоминай! Я потом всю жизнь глобусы обходила стороной! Виктор, а вы в детстве что-нибудь разрушали?»

Она снова перевела внимание на него. И снова он, только что увлеченно евший стейк, отложил нож и вилку.

«Нет, — сухо ответил он. — Я скорее строил».

«Конечно! — воскликнула она. — Таким людям, как вы, дан талант созидать! Чувствуется сразу!»

Виктор бросил на меня быстрый, почти незаметный взгляд. В его глазах я прочитала то же, что чувствовала сама — усталость от этого бесконечного потока восторгов. Он отпил воды и снова взялся за столовые приборы, явно давая понять, что разговор окончен.

Но Катя, казалось, не замечала никаких сигналов. После ужина, когда я убирала со стола, а Виктор сел с ноутбуком проверить почту, она устроилась на диване рядом с ним, поджав под себя ноги.

«Ой, какой у вас мощный компьютер! Вы всегда работаете по вечерам? Это так ответственно. Мой бывший парень только в игры играл».

Виктор не отрывал взгляда от экрана. «Это не игры, Катя. Это работа.

«Я понимаю! Это так сложно... Мне бы вашу усидчивость. Я вот вообще не могу долго сидеть на одном месте!» — она вскочила и принялась рассматривать книжные полки, снова комментируя все подряд. — «Нищше... Камю... Боже, как вы читаете такое? Это же так скучно! Анна, ты тоже это читаешь?»

«Юристу без широкого кругозора нельзя, — ответила я из кухни, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Иначе ты не сможешь найти общий язык с людьми, с которыми работаешь».

«Общий язык — задумчиво протянула она. — Это так сложно. А я вот люблю простые вещи. Красивые фильмы, веселые компании». Она снова подошла к Виктору и, наклонившись над его плечом, посмотрела на экран. — «Ой, а что это за графики? Напоминает сердечный ритм».

Виктор резко закрыл ноутбук.

«Коммерческая тайна, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Извините».

Он встал и вышел из гостиной, не глядя на Катю. Та замерла с глупой улыбкой на лице, а затем повернулась ко мне.

«Кажется, я его обидела? — на ее лице было написано неподдельное огорчение. — Я не хотела... Я просто поинтересовалась».

«Он устал, Катя, — сказала я, и мое сердце бешено заколотилось. — И ему не нравится, когда кто-то смотрит ему через плечо. У всех есть личные границы».

«Границы... — повторила она, как странное слово. — Конечно. Я поняла. Надо быть скромнее».

Но в ее глазах я не увидела ни смущения, ни понимания. Я увидела азарт. Азарт охотника, который наконец-то спугнул дичь и теперь знает, как она себя ведет в стрессовой ситуации.

Позже, когда мы легли спать, я повернулась к Виктору.

«Прости за сегодня. Она немного... навязчива».

Он лежал на спине, глядя в потолок.

«Она не навязчива. Она ведет себя так, будто ей пятнадцать лет, а не двадцать два. Или притворяется», — его голос был ровным, но в нем слышалась раздражение.

«Она просто восхищается тобой. Ты для нее — воплощение успеха».

Виктор перевернулся на бок и посмотрел на меня. В темноте его лицо было серьезным.

«Анна, я не хочу, чтобы мной кто-то так... сильно и настойчиво «восхищался.» Особенно в моем же доме. Мне это неприятно. У меня есть жена для этого. И вообще, твоя сестра ведет себя навязчиво, ты не заметила. Почему ты ей не скажешь, что она ведет себя неприлично? В конце концов это и твой дом тоже. Нужно отстаивать свои личные границы.»

«Она скоро найдет работу и съедет», — сказала я скорее для самоуспокоения.

Виктор ничего не ответил. Он просто взял мою руку и крепко сжал. Его ладонь была теплой и твердой. Я прижалась к нему, стараясь заглушить внутренний голос, который нашептывал: «Она не уедет. И я скоро пожалею о том, что не смогла отказать ей в гостеприимности».

Глава 5.

Мне казалось, это никогда не закончится. Катя уже не просто жила в нашей квартире. Она в ней прочно обосновалась. И самым частым звуком в доме стал шелест пакетов из бутиков, купленных на мои деньги.

Сначала это были мелочи. «Анют, дай на кофе, у меня что-то карта заблокировалась». Потом деньги на такси — метро, мол, слишком напрягает, там же такая сильная давка. А потом начались покупки. Каждый день она приносила новые пакеты с одеждой и косметикой. Я молча смотрела, как тают мои сбережения на карте, и чувствовала беспомощность. Каждый раз я зарекалась себе, что это в последний раз, когда я даю ей деньги, но «последний» раз всегда откладывался на завтра.

Пока однажды вечером я увидела, как она разложила на кровати дорогой брендовый кашемировый платок. Тот самый, который даже я себе не могла позволить купить. И не выдержала.

«Катя, может тебе уже пора работу начинать искать? Ты уже взрослая, я не могу всю жизнь тебя содержать. У меня своя семья и свои траты есть.»

Она посмотрела на меня с такой обидой, что я на секунду опешила от такой наглости. Как будто я ей должна.

«Какую работу? — спросила она. — Сестра, я не хочу быть абы кем. Я хочу построить успешную карьеру, как ты. А пока я просто... вливаюсь в атмосферу, привыкаю к этому городу».

«Привычки какие-то у тебя слишком уж дорогие», — буркнула я, глядя на торчащий из пакета ценник.

У нее на глазах выступили слезы. Настоящая актриса... Вечером жди от матери лекцию на тему: «Вы же сестры и ты должна ей помогать».

«Ты хочешь, чтобы я пошла в официантки или в продавцы? Я думала, что ты мне поможешь устроиться на хорошую работу... я понимаю, что я всем тут надоела...»

Ее слова опять вызвали во мне чувство вины..

«Ты не надоела — вздохнула я, чувствуя, как в очередной раз сдаюсь. — Но в умерь немного свои аппетиты. Мне не жалко».

«Я понимаю! — она сразу просияла, слезы куда-то испарились. — Я устроюсь на работу, обещаю! Просто дай немного времени. Мне просто нужна помощь, кстати, ты не хочешь попросить своего мужа мне помочь?»

Слово «мужа» повисло в воздухе. Очень прозрачный намек.

После этого разговора я долго настраивала себя на разговор с мужем. Я знаю, Катя не нравилась ему своим назойливостью и повышенным вниманием. Он не раз это мне высказывал.

Я решилась заговорить с Виктором, когда мы остались одни в спальне. Муж читал, а я смотрела в окно.

«Виктор... это насчет Кати...».

Он отложил книгу. Сразу было видно, что ждал этого разговора.

«Я слушаю, — тихо сказал он. — Она уже половину твоей зарплаты спустила?».

«Дело не в этом. Она хочет построить карьеру тут, в Москве. Думаю... может, взять ее к нам? В «Вектор-А». У тебя ж на данный момент нет личного секретаря? Возьми ее хотя бы на испытательный срок».

Тишина. Он смотрел на меня так, будто я предложила сжечь офис.

«Ты серьезно?» — его голос стал ледяным, каким бывает только на работе.

«Она умная, образование хорошее...»

«Она училась на турменеджера, Анна! — он резко встал. — А у нас юридическая фирма!»

«Она может звонки принимать, график встреч вести...» — мои доводы звучали жалко даже для меня.

«Нет. — Он подошел ближе. — Нет. Я не хочу ее брать на работу. Ты же сама видишь — она не хочет работать. Она хочет, чтобы все ей приносили на блюдечке с голубой каемочкой. Да и умом твоя сестра, уж прости, не блещет. А еще мне не нравятся ее взгляды на меня, я думаю ты сама это уже заметила.

«А что мне тогда прикажешь делать? — у меня задрожал голос. — Я не могу выставить за дверь! Она все таки моя сестра! Мама просила ее устроить на работу. Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя виноватой, потому что не помогла?»

Я взяла его за руки. Они были сжаты в кулаки.

«Пожалуйста. Только на испытательный срок. Не справится — уволишь. Может наконец-то у нее появится хоть какая ответственность. Ведь все с чего-то начинали. Сделай это для меня».

Я смотрела ему в глаза, умоляя. Я просто не вынесу звонков мамы, ее упреков.

Он смотрел на меня долго. Видел мою боль, мое отчаяние. И я ненавидела себя за то, что использую это.

«Ты хоть понимаешь, к чему это может привести?» — тихо спросил он.

«Ни к чему плохому, — поспешно ответила я, сама себе не веря. — Это же просто работа.

Он тяжело вздохнул, проведя рукой по своему лицу.

«Хорошо, — тяжело выдохнул он.

— Хорошо, Анна. Я сделаю это. Но только на испытательный срок. И на общих основаниях. Первая ошибка — и она сразу уволена. Поняла?»

«Поняла! — я бросилась его обнимать, чувствуя дикое облегчение. — Спасибо! Я знала, что ты поможешь!»

Он мягко освободился.

«Не уверен, что принял правильное решение, — сказал он тихо. — Но я не могу смотреть, как ты себя изводишь. Я просто не пойму, почему ты чувствуешь себя обязанной своей семье? Насколько я помню, все шесть лет они даже не интересовались твоей жизнью и никак в ней не участвовали.»

На следующее утро, за завтраком, я, сияя, сообщила новость Кате.

«Катя! У меня отличные новости! Виктор берет тебя к нам в наш офис. Личным секретарем. Я думаю это для тебя будет отличный старт!»

Я ждала восторга. Но его не было. Она медленно отложила круассан и посмотрела на меня с легкой улыбкой.

«В «Вектор-А»? — переспросила она. — Ну что ж... Спасибо, сестренка. Я знала, ты не подведешь. — Она встала и слегка обняла меня. Как будто сделала одолжение. — Не волнуйся, я не подведу твоего мужа. Думаю, он не пожалеет о том, что взял меня на работу».

В ее тоне не было благодарности. Было только самодовольство, как будто она знала, что так будет.

Вечером Виктор вернулся рано и прошел прямо в кабинет. Я — за ним.

Он стоял у окна, спиной ко мне.

«Ну что? Все нормально?» — спросила я бодро.

Он обернулся. Его лицо было пустым. Без эмоций.

«Да, — коротко бросил он. — В понедельник пусть выходит на работу. Я предупредил отдел кадров. Никто не знает, что Катя твоя сестра и она пусть держит язык за зубами».

«Спасибо, — прошептала я. — Я обещаю, что ты не пожалеешь о своем решении.»

Он подошел, взял меня за подбородок и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был долгим и пронзительным.

«Я сделал это только для тебя, Анна. Запомни. Только для тебя. Но я почему-то уже сейчас чувствую, что совершаю огромную ошибку».

Он отпустил меня и вышел. А я осталась стоять одна, с комом в горле.

Глава 6.

Первый рабочий день Кати в «Вектор-А» стал для меня настоящим испытанием на прочность. Я пыталась сосредоточиться на документах, но мысли постоянно уносили меня в приемную мужа, где теперь сидела моя сестра.

К обеду я все таки не выдержала и вышла из кабинета под предлогом заварить себе кофе, ведь у меня то как раз личного помощника не было. То, что я увидела, заставило меня замереть на пороге кухни.

Катя, облаченная в безупречно сидящий костюм, который явно стоил больше ее будущей зарплаты, стояла у кофемашины. Но не одна. Рядом с ней толпились двое молодых стажеров из отдела корпоративного права, зачарованно внимая каждому ее слову.

«Ой, ребята, это же так сложно! — звенел ее голос, полный наивного восхищения. — Я пока совсем ничего не понимаю, но так хочу научиться! Вы же мне поможете, если что?»

«Конечно, Катюша!» — почти хором ответили они, и я увидела, как один из них поправил галстук.

Сестра повернулась и заметила меня. Ее лицо озарилось сладкой улыбкой.

«Аннушка! Я как раз пытаюсь освоить этого монстра, — она грациозно указала на кофемашину. — Хочу принести кофе Виктору Викторовичу. Он же, наверное, устал уже ждать, бедный».

Меня передернуло от этого «бедный».

«Не стоит его отвлекать, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У него с утра очень плотный график».

«Но он же должен пить! — настаивала она, наливая кофе в мою любимую кружку, ту, что стояла на столе. — Я мигом, он даже не заметит».

И она, не слушая больше моих возражений, поплыла по коридору к его кабинету, оставив за собой шлейф дорогих духов и восхищенные взгляды стажеров.

Я вернулась к себе, но сосредоточиться уже не могла. Через полчаса мне понадобилось подписать у Виктора документы. Я постучала и вошла без лишних церемоний.

Катя стояла у его стола, склонившись над каким-то документом. Слишком близко. Ее рука лежала на краю стола, почти касаясь его руки.

«...и вот здесь, кажется, опечатка, — говорила она, и ее голос был нарочито тихим и интимным. — Я решила проверить, прежде чем нести Марине Ивановне. Вдруг бы она ошибку нашла».

Виктор сидел, откинувшись в кресле. Его поза была напряженной, пальцы барабанили по столу. Он не смотрел на нее, а уставился в окно.

«Спасибо, — сухо бросил он. — В следующий раз пусть документы приносит Марина Ивановна. Это ее прямая обязанность, а не ваша».

Катя не смутилась. Она выпрямилась и, словно случайно, задела рукавом его блокнот. Он упал на пол.

«Ой, простите! — она тут же присела, чтобы поднять его, позволив мне на секунду заметить слишком откровенный вырез своего блузки. — Я такая неловкая!»

Виктор резко встал.

«Оставьте. Я сам. И, Катя, пожалуйста, впредь стучите, прежде чем заходить».

В его голосе прозвучало раздражение, которое он уже не пытался скрыть. Катя наконец-то это уловила. Ее лицо на мгновение вытянулось от досады, но тут же снова расплылось в притворной улыбке.

«Конечно, Виктор Викторович! Простите еще раз».

Она вышла, грациозно скользнув мимо меня, и я увидела в ее глазах не смущение, а ликование. Прямо как кошка, которая только что напакостила и осталась безнаказанной.

Я подошла к столу.

«Все в порядке?» — тихо спросила я.

Он тяжело вздохнул и провел рукой по лицу.

«Нет, Анна, не в порядке. Это был ее третий визит за это утро. Первый — принести кофе, который я не просил. Второй — спросить, не нужна ли мне помощь с сортировкой писем. Третий — найти эту чертову «опечатку». Я не могу так больше работать».

«Я поговорю с ней», — сказала я без особой надежды.

«Поговори. Но я очень сильно сомневаюсь, что это поможет».

Мой разговор с Катей в комнате для совещаний был похож на разговор с глухой стеной.

«Послушай, Виктору не нравятся, когда его постоянно отвлекают. Он очень ценит свое рабочее время».

Она смотрела на меня широко раскрытыми, невинными глазами.

«Но я же стараюсь помочь! Я хочу быть полезной! Он же наш с тобой родной человек, разве мне не стоит о нем позаботиться?»

«Он не «родной человек» в стенах офиса, Катя. Он твой начальник. И ему нужен секретарь, а не... сиделка».

Она надула губки.

«Поняла. Буду держать дистанцию. Как скажешь...»

Но держать дистанцию естественно у нее не получилось. На следующий день, когда я проходила мимо кабинета Виктора, я увидела, что дверь приоткрыта. Катя стояла у книжного шкафа, якобы протирая пыль с полок, но ее взгляд был прикован к его кожаной папке, лежащей на столе. К той самой, где он хранил контракты самых конфиденциальных сделок.

Я вошла, не стуча.

«Катя, что ты делаешь?»

Она вздрогнула и обернулась, сжимая в руках тряпку для пыли.

«Анна! Я просто... наводила тут порядок. Здесь столько много грязи, а он ведь тут целыми днями сидит и этим дышит.»

Ее оправдание были такими наигранными, она театрально потупила глазки. Ну сколько уже можно?! Накатило такое раздражение, что хотелось взять ее за плечи и встряхнуть хорошенько. Чего она добивается?

«Порядок здесь наводит уборщица. В твои обязанности это не входит. Вернись на свое рабочее место».

Она молча вышла, но в ее глазах я прочитала усмешку и вызов.

Кульминация наступила в пятницу. У нас был сложный переговорный день с иностранными клиентами. Виктор вернулся в офис поздно, явно измотанный. Он прошел в свой кабинет, чтобы забрать вещи, и через минуту я услышала его приглушенный, но яростный голос.

Я подошла. Дверь была закрыта. Приложило ухо и прислушалась.

«...и что, по-вашему, это значит?» — говорил Виктор с опасной мягкостью.

«Я просто подумала, что вам может быть холодно, — доносился сладкий голос Кати. — Вы так устало выглядели, когда вернулись...»

«Я запрещаю вам трогать мои вещи. Вы поняли? Запрещаю. Теперь возьмите этот плед и уйдите».

Я не выдержала и открыла дверь. Виктор стоял посреди кабинета, его трясло от гнева. В его руках был складной плед, который он обычно хранил в нижнем ящике стола. Катя стояла перед ним, прижимая к груди его пиджак. Картина была до боли ясной и унижительной.

Увидев меня, она тут же пустила слезу.

«Анна, он так грубо со мной разговаривал... Я просто хотела помочь... Подумала, что он замерзнет по дороге домой...»

Виктор резко повернулся ко мне. В его глазах бушевала буря.

«Ты видишь? — его голос дрожал. — Ты видишь, что происходит? Она должна просто приносить кофе и вовремя отвечать на звонки. А не лезть ко мне со своей заботой! Ты представляешь, она подошла, сняла с меня пиджак и попыталась укутать меня в плед! Это уже переходит все границы!»

«Извините! — всхлипывала Катя. — Я просто хотела быть нужной и внимательной!»

«Внимательность секретаря заключается в том, чтобы вовремя подавать документы и фильтровать звонки, а не в том, чтобы укутывать в пледы своего босса!» — прошипел Виктор.

Я стояла, как парализованная, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Моя сестра держала в руках пиджак моего мужа, а он смотрел на нее с таким отвращением, что мне даже стало тошно. Что происходит, я уже ничего не понимаю!

«Катя, выйди», — тихо сказала я.

Она послушно, с театральными всхлипами, вышла из кабинета, прижимая к глазам платок.

Дверь закрылась. Мы остались с Виктором одни. Воздух был густым от напряжения.

«Я больше так не могу, Анна, — он сказал это тихо, но каждое слово било меня, как молот. — Она переступает все границы. Каждый день. Она так смотрит на меня... Я чувствую себя загнанным в угол в собственном офисе. Завтра же я увольняю ее и пусть уезжает. Тебе самой не противно? Я же мужчина в конце концов, твой муж! А она строит мне глазки и видите ли «заботится».

«Нет! — вырвалось у меня. — Виктор, подожди. Дай ей еще последний шанс. Я с ней поговорю. Серьезно поговорю. Просто я обещала матери... она наверное сама не понимает, как это выглядит со стороны...

«Она все прекрасно понимает! — он резко подошел ко мне. — Ты сама не хочешь этого понимать! Она не наивная девочка. Она играет. И ты позволяешь ей это делать, потому что боишься признать, что твоя сестра — наглая и бессовестная особа и ей наплевать на твои чувства и твое мнение!»

Его слова обожгли меня, потому что были правдой. Ужасной, невыносимой правдой.

«Она уволится через месяц, если не справится с испытательным сроком, — пробормотала я, глядя в пол. — Всего месяц. Прощу тебя. Потерпи ради меня».

Он долго смотрел на меня, и гнев в его глазах постепенно сменился чем-то другим. На разочарованием.

«Хорошо, — он произнес это слово с таким трудом, словно это был приговор. — Месяц. Но, Анна, запомни. Я делаю это в последний раз. И если она переступит черту еще хоть раз... я не буду ни на кого смотреть. Ни на тебя, ни на твою мать. Я вышвырну ее отсюда так, что только пыль столбом стоять будет».

Он взял свой портфель и вышел, не оглядываясь. Я осталась одна в его кабинете. Пахло его одеколоном и ее духами. И вздыхая запах этих гремучей смеси, я наконец-то позволила себе признать то, что отрицала все эти недели. Я пожалею об этой просьбе. Только я еще не знала, что пожалею совсем скоро.

Глава 7.

После того случая с пледом прошло чуть больше месяца. Катя прошла испытательный срок и осталась на работе. Виктор больше не заговаривал об ее увольнении. Наконец-то в нашем доме и нашем офисе наступил мир.

Я опять легла в больницу. На очередное обследование. В этот раз врачи делали хорошие прогнозы: «Анна, наконец-то есть положительная динамика! Все результаты анализов очень хороши, при такой динамике у вас скоро наступит долгожданная беременность». А у меня аж сердце чуть не выпрыгивало от радости. Но мужу я решила пока ничего не говорить. Не знаю почему... Может, просто не хотела давать ложных надежд?

Впрочем, когда я сказала ему о необходимости лечь в стационар, он не очень обрадовался. Только недовольно наморщил лоб и тяжело вздохнул.

— Анна! В самое неподходящее время, — пробурчал он, даже не глядя на меня. — Мне как никогда нужна сейчас твоя помощь. Дел по горло, никак нельзя это перенести на потом? У нас аврал на работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.